

Образ советской матери

О ЧЕМ бы ни писал А. Афиногенов — о самоотверженных подвигах рядовых людей на далеких разведках («Далекие»), о любви и дружбе нашей молодежи («Машенька»), о героических защитниках Родины («Накамуне»), о новых путях русской интеллигенции («Страх»), он всегда оставался человеком большого сердца и таланта, пламенным советским патриотом. Его высокое мастерство, его подвиг художника-коммуниста были направлены на то, чтобы возродить образ рядового советского труженика, героя нашего времени.

Советским людям посвящена и пьеса А. Афиногенова «Мать своих детей», поставленная на сцене Центрального театра транспорта. В ней говорится о высоких принципах коммунистической морали, о неразрывной связи личного и общественного. Затрагиваются проблемы воспитания подрастающего поколения, вопросы семьи, быта. Страстно и вдохновенно рассказано в произведении о высоких человеческих чувствах, о всепоглощающей материнской любви. Но даже этот обширный перечень не исчерпывает круга тем, затронутых и талантливо решенных драматургом. По жанру «Мать своих детей» — психологическая драма, в которой каждое действующее лицо — точно очерченный характер.

Перед театром, принявшим пьесу в постановку, стояла задача показать жизнь героев во всей ее сложности и многообразии. Сценическая история

«Мать своих детей»

А. Афиногенова на сцене
Центрального театра
транспорта

произведения свидетельствует о том, что решение этой задачи возможно лишь в том случае, если режиссер и актерский коллектив до конца постигнут своеобразие творческого почерка А. Афиногенова.

Написанная в 1939 году, пьеса эта была поставлена некоторыми периферийными театрами, но успеха не имела. Объясняется это прежде всего тем, что поставивший спектакль за внешней неприглядностью формы (пьеса представляет ряд сцен, в которых мать последовательно встречается со всеми своими детьми) не увидела в произведении главного — большой правды характеров советских людей. Они стремятся «улюбить» пьесу за счет нагромождения эффектных мизансцен и замысловатых трюков.

Новая сценическая редакция В. Гольдфельда показывает, что режиссеру удалось понять своеобразие художественной манеры драматурга, оценить политическую устремленность, высокую идейность пьесы, конкретность и определенность ее художественных образов.

В будничных поступках, в повседневной работе, в личных чувствах и

взаимоотношениях героев проявляются и раскрываются высокие моральные качества советских людей. Театру удалось показать, что герои Афиногенова хорошие, чуткие советские люди, что их ошибки и падения только временные, частные эпизоды их биографии. Потому спектакль проникнут жизнеутверждающим звучанием.

...Такая улица небольшого провинциального городка. На скамейке около дома с пикетом в руках сидят старушка. Это Екатерина Ивановна Лагутина, мать пятерых детей. Покой, тишина, так свойственные ей, судя по первой сцене, сменяются неуверенной энергией, когда она узнает о беде, постигшей ее детей.

От правильного решения образа Екатерины Ивановны Лагутиной во многом зависит успех всей работы творческого коллектива. Оно и понятно — все события в пьесе разворачиваются вокруг главной героини, во взаимоотношения с ней раскрываются характеры и других персонажей. Театр счастливо избежал недостатков, свойственных этому образу в довоенных постановках. С характером героини снят налет исключительности и суровости. Образ Екатерины Ивановны Лагутиной решен просто, рисунком, предложенный актрисой, реалистичен.

Арсеньевой удалось глубоко проникнуть во внутреннюю сущность характера героини, во многих сценах найти верное «скаковое действие».

Так, в сцене Нади и Сергея, где все силы Екатерины Ивановны направлены на примирение молодых людей, она выглядит доброй, ласковой. С большим умом в умах проводит актриса сцены перевоспитания Марата. Но тут же на смеху мягким, проникновенным интонациям неторопливой русской речи приходят решительные ноты.

Кроме ярко решенного характера главной героини в спектакле — еще ряд актерских удач, образов, раскрытых интересно, самобытно. Это в первую очередь относится к ролям Марата (И. Поточка) и Федора Лагутина (А. Толбузин).

Перед зрителями — худенький двенадцатилетний мальчик. Метко, ловко загоняет он шар в лузу. Мать восхищенным и влюбленным взором следит за сыном. И сын это знает, он привык быть в центре внимания, он давно уверился в своей исключительности, привык, что все его желания выполняются беспрекословно. Но прелехавшая бабушка умело, умно берет за перевоспитание внука, и на глазах у зрителя избалованный, себистый Марат превращается в юркого, бойкого, хорошего ребенка. Актриса И. Поточка показывает характер своего героя в развитии. Не сразу перерождается мальчуган, медленнее, постепенно отыскивает он от своих барских замашек. Уже в первой сцене актриса показывает, что в сущности Марат нехороший мальчик, что окончательно испортить его не удалось. Перед нами избалованный ре-

бенок, но с добрым и отзывчивым сердцем. Дальнейшая ломка характера выглядит убедительно, правдиво, логично.

В роли Федора Лагутина выступил артист А. Толбузин, актер, несомненно интересный. Именно в этой работе ему удалось показать многообразие своего дарования. Первое появление Федора—Толбузина свидетельствует о его самоуверенности. Ему и впрямь есть чем гордиться: он — простой волжский матрос—стал большим начальником! И кажется, что сам он любит себя, с восхищением смотрит на себя со стороны. Такого первого впечатления. Но, пригладевшись к Федору повнимательнее, начинаешь замечать, что, пожалуй, тона его чересчур величественны, что слишком громко и самоуверенно звучит голос, что делает он много лишнего, ненужных движений. Невольно зарождается мысль — не все так благополучно у Федора, как он хочет представить. И потому последовавшее затем крушение героя кажется логически оправданным. Артист правильно показывал, что исключение из партии, снятие с работы может на время сотруть Федора, но не сломать его окончательно. У этого героя хватит силы и воли начать все заново, снова найти свое место в жизни. Удача актера не только в том, что он показывает прозрение Федора, а в том, что самый процесс перерождения героя происходит на глазах у зрителей. Толбузину удалось подчеркнуть, что возрождение Федора начинается именно в самый трудный для него момент, в не-

решить, что он до конца понял меру своей вины, что готов ее искупить любыми средствами.

Большинство исполнителей хорошо поняло замысел драматурга, донесли до зрителя своеобразие авторской манеры.

Верные краски нашли для образа Соии артистка А. Танеева. Вдумчиво пронизывает свой монолог почтальона, роль которого исполняет артист И. Смысловский.

Есть в спектакле и некоторые просчеты. Так, более конкретна и правдива должна быть линия взаимоотношений Нади (О. Кузнецова) и Сергея (А. Полевая). Интересно, с большей выдумкой можно было решить сцену на набережной. Но эти пожелания частные и общего строя спектакля эти недостатки не нарушают.

Но на одну досадную погрешность хотелось бы обратить особое внимание театра. Речь идет об образе тещи Федора — Тансии в исполнении артистки Т. Дубровской. Если весь спектакль решен в мягких, лирических тонах, то линия Тансии выдержана в сатирическом плане. Между тем для этой пьесы Афиногенова характерно стремление к тонким, веброчным деталям, желание избежать всего карикатурного.

Успешное второе рождение пьесы, несомненно, откроет ей двери во многие театры страны. Ее достоинство — человечность, психологическая достоверность, правдивость — привлекает к ней внимание тех художников сцены, которых интересует внутренний мир советских людей, кто, подобно Афиногенову, видит свое призвание в том, чтобы воссоздать в театре героическо-современников, простых людей нашей страны.

М. Кваснецкая.

«Вест. Москва», 21. XII. 54.